

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1999 г.

ЧИТАЯ «СКИФСКИЙ РОМАН»

(Скифский роман / Под общей редакцией Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. 624 с.)

Ровно через семьдесят лет после публикации статьи М.И. Ростовцева «"Скифский" роман»¹ Г.М. Бонгард-Левин вместе с сотрудниками издал великолепный том, также озаглавленный «Скифский роман»², посвященный жизни и творчеству великого ученого. Монография включает характеристику архивного наследия М.И. Ростовцева в хранилищах России, США и Европы; материалы о жизненном пути ученого, в том числе его автобиографию и исчерпывающую библиографию; исследование взаимоотношений М.И. Ростовцева с рядом выдающихся русских и зарубежных ученых и деятелей культуры; эпистолярное наследие; неопубликованные лекции ученого-педагога. Книга богато снабжена фотографиями, воссоздающими облик Михаила Ивановича и многих его коллег в разные периоды его жизни. Ответственный редактор и автор значительной части книги Г.М. Бонгард-Левин вместе с соратниками проделал необычайно сложную и трудоемкую работу по выявлению и публикации материалов. В процессе поисков было сделано много счастливых открытий, среди которых особое место занимает обнаружение В.Ю. Зуевым неопубликованных глав труда М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор», что и послужило отправным пунктом для всей дальнейшей работы. Г.М. Бонгард-Левин обнаружил большое количество связанных с М.И. Ростовцевым документов в американских и западноевропейских архивах, В.Ю. Зуев, И.В. Тункина и др. – в российских. Большого и кропотливого труда потребовала подготовка архивных материалов к изданию, ряд сложных проблем возник при переводе и комментировании. Целая группа ученых (российских и зарубежных) помогала составителям своими консультациями и советами. Можно лишь удивляться полноте и точности комментариев, замечания к которым у рецензента минимальные.

«Скифский роман» – плод многолетнего упорного труда. Написан он с вдохновением, многие разделы – блестяще. Страницы, принадлежащие перу М.И. Ростовцева, – великолепная русская проза бунинского класса. – органически вплетены в ткань повествования. Читателю книги открывается мир чувств, идей и свершений беспримерного труженика – одного из величайших ученых-историков XX в., драматические события его жизни, в тесной связи с политическими, научными и культурными событиями эпохи, его взаимоотношения с коллегами на родине и за рубежом. Центром и нервом всего повествования является наука, научные искания, дискуссии, создание все новых и новых исследовательских трудов. Мы попадаем в творческую лабораторию ученого. Михаил Иванович был и крупным политическим деятелем, общался и дружил с писателями, поэтами, художниками. Так было до революции, в России, то же самое продолжалось и в эмиграции. Именно поэтому в книге, наряду с антиковедением и археологией, пульсирует русская политическая, общественная и культурная жизнь первой половины XX в. В том вошли сотни, а может быть, и тысячи ранее неизвестных или недоступных материалов и фактов. Все это вместе взятое делает книгу не только необычайно информативной, но и чрезвычайно интересной. Она читается с захватывающим увлечением. Нет смысла вновь говорить о месте и роли трудов Михаила Ивановича в истории и археологии древнего мира. Это

¹ Ростовцев М.И. «Скифский» роман // Сб. ст. в честь Я.И. Смирнова. Прага, 1928 (Seminarium Kondakovianum, т. II).

² Скифский роман / Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1998. 624 с., илл.

обстоятельно и глубоко сделано зарубежными, а в последнее десятилетие – и отечественными учеными³. Концепции М.И. Ростовцева, начиная с 30-х годов, подвергались критике, как не соответствующие марксистским доктринам. Вместе с тем его труды, вопреки расхожему мнению, отнюдь не были под запретом, но широко использовались историками и археологами. Так, в начале 60-х годов выдающийся археолог К.Ф. Смирнов подчеркивал, что М.И. Ростовцев «впервые обобщил [и]... подытожил результаты исследований русских археологов дореволюционного периода в области изучения истории и культуры скифов и сарматов. Его труды были фактически первым удачным опытом соединения исторических свидетельств с данными археологии». Затем он останавливался на конкретных проблемах савроматско-сарматской археологии, в основе разработки которых лежат противоречивые положения Михаила Ивановича. Вместе с тем К.Ф. Смирнов был вынужден, кстати, противореча самому себе, привести стандартную формулу: «Однако в вопросе о сарматах и их культуре нашли свое яркое отражение все основные черты порочной методологии М.И. Ростовцева»... и т.д.⁴

«Обладея концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности новыми и новыми идеями...», М.И. Ростовцев разработал концепции социально-экономической истории и цивилизации эллинизма, Римской империи, античного Причерноморья и скифо-сарматского мира⁵. Вместе с тем, как показывает приведенный выше пример с древностями Приуралья, а также множество других его конкретных исследований по эллинистическим, римским, скифо-сарматским и восточным памятникам археологии и искусства, оперируя даже сравнительно небольшим известным в его время материалом, он с необыкновенной проницательностью делал заключения по отдельным памятникам, периодам или проблемам, которые превосходили и определяли дальнейшее развитие науки. Каждая статья М.И. Ростовцева – это не только шедевр учености, но и совершенно новая, более глубокая интерпретация, свежая идея или концепция, одним словом – открытие. Но ведь то же самое можно сказать и о фундаментальных трудах. Невольно возникает вопрос, в чем причины того, что все его феноменальное по глубине и объему творчество буквально фонтанировало новыми идеями, концепциями и открытиями.

Замечательные учителя, блестящая подготовка? – Да.

Глубокое знание огромной совокупности письменных источников? – Да.

Превосходное знакомство с древними археологическими и иконографическими памятниками всей Евразии? – Да.

Аналитический склад ума в сочетании со стремлением к синтезу и глубоким обобщениям? – Да, конечно.

Можно назвать еще систематичность, научную интуицию, прозорливость и многое другое.

За всем этим скрывалась глыба интеллектуальной энергии и огромной талант с чертами гениальности.

«Скифский роман» открыл нам много ранее неизвестных черт деятельности и личности М.И. Ростовцева. Многие исследовательские разделы книги написаны не только глубоко, но и с блеском. Назову лишь несколько из них: «М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника» (В.Ю. Зуев); «М.И. Ростовцев и Российская Академия наук» (И.В. Тункина); «Индийское путешествие М.И. Ростовцева» (Г.М. Бонгард-Левин); «Ростовцев и Э.Х. Миннз: от Скифии до Китая и Японии» (Г.М. Бонгард-Левин) и др. В этих статьях часто цитируются документы М.И. Ростовцева, звучит голос ученого, выступают его друзья и враги. Отъезд из России был огромной трагедией для Михаила Ивановича. В книге немало и других драматических и даже трагедийных страниц, в частности связанных с «делом» С.А. Жебелева и с исключением М.И. Ростовцева из состава Академии наук СССР.

Говоря о «Скифском романе», следует специально отметить, что эта замечательная книга открывает не только новую страницу, но и новый жанр историографии исторической науки. Имеется множество книг, посвященных юбилеям крупных историков, востоковедов и археологов. Обычно они включают очерк жизни и творчества того или иного ученого и статьи по разным проблемам соответствующего раздела науки, новейшие открытия или интерпретации, иногда прилагается список публикаций. Сам ученый (юбиляр) остается в тени или даже за рамками книги. В «Скифском романе» все наоборот: содержание целиком посвящено

³ Подробный перечень: Зуев В.Ю. Материалы к библиографии М.И. Ростовцева // Скифский роман. М., 1998. С. 221–226.

⁴ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 10 сл.

⁵ Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. № 3. С. 162 сл.

М.И. Ростовцеву, его жизни, деятельности, его мыслям и трудам. На мой взгляд, «Скифский роман» не закончен, и хотелось бы увидеть его продолжение...

И еще. В 1963–1977 гг. Институт востоковедения РАН и Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» издали девятитомное «Собрание сочинений» В.В. Бартольда. Великий востоковед В.В. Бартольд – один из коллег М.И. Ростовцева – был почти столь же плодovit, но значительную часть его работ за пределами Москвы и Петербурга была труднодоступна. Переиздание работ классика востоковедения дало огромный импульс разработке многих областей востоковедения, подняв их на новую ступень. Значительная часть работ М.И. Ростовцева, особенно изданных за рубежом, еще более труднодоступна не только ученым, живущим в провинции, но даже тем, кто работает в Москве и Петербурге. Не следует ли подумать о проекте издания «Сочинений» или хотя бы нескольких томов «Избранных сочинений» М.И. Ростовцева на русском языке?

Б.А. Литвинский

E. GEHLKEN. Uruk. Späthabylonische Wirtschaftstexte aus dem Eanna-Archiv. Teil II: Texte verschiedenen Inhalts. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern (Ausgrabungen in Uruk-Warka, Endberichte. Bd 11), 1996. VIII. 146 S.

Во время раскопок немецких археологов в Уруке в 1954–1955 гг. было найдено около 4000 клинописных документов и фрагментов, которые составляли хозяйственный архив главного храма этого города Эанны, посвященного богине Иштар. В настоящее время часть этих табличек находится в Багдадском музее, а остальные в Гейдельбергском университете. Еще до этой находки хозяйственная деятельность Эанны в нововавилонское и ахеменидское время (VII–IV вв. до н.э.) была известна из большого количества документов, из которых к началу этого десятилетия было издано более 3000 текстов. Этот материал начал существенно пополняться после того, как по инициативе директора Немецкого археологического института в Багдаде Р.М. Бёмера было решено ускорить публикацию еще не изданных археологических находок из Урука. В рамках этого проекта публикуются хозяйственные и правовые документы как из храмового, так и из частных архивов. Последние были обнаружены в руинах частных домов, расположенных за пределами территории Эанны, к западу от нее. Эти архивы составляют примерно 350 документов, из которых издано 93¹. Хотя рассмотрение этих текстов не входит в задачи настоящей рецензии, хочется обратить внимание на один уникальный документ многозначительного содержания (№ 87). Согласно этому тексту, составленному в 626 г. до н.э., некий Ибни-Иштар отдал в долг своему отцу Бел-ушаллиму 2 мины 18 сяклей серебра. Ссуда была беспроцентной, однако для ее обеспечения должнику пришлось заложить свою пребенду в храме Эанна.

Документы архива Эанны предполагается опубликовать в восьми томах, распределенных по тематическому принципу (животноводство, птицеводство, ремесло, храмовые пребенды, перечни рационов, правовые документы и письма). По завершению редактора этой серии Р.М. Бёмера, они теперь будут выходить в свет с короткими интервалами. Их изданием занимается Э. Гелькен, и рецензируемая книга является вторым томом этой серии (первый том вышел в 1991 г.). В нем опубликованы 74 документа в транслитерации, переводе (или пересказе, когда тексты сильно разбиты) и в клинописных копиях (№ 166–240) и с необходимым комментарием. Книга содержит также указатели: именной, профессий, топонимов, а также выборочный глоссарий и конкорданс текстов. Среди этих табличек очень мало полностью сохранившихся, и большинство документов составлено из мелких фрагментов, что заставляет читателя восхитаться терпением и аккуратностью издателя. Часть клинописных копий этого тома была подготовлена покойным ассириологом А. Фалькенштейном.

Книга содержит документы различного содержания. Остановимся кратко на некоторых из них. Кузнец получает определенное количество железа, чтобы изготовить лопаты (№ 161). Храмовому улевиру было выдано для ремонта и очищения 703 золотых розетки и еще 703

¹ Kessler K. Uruk. Urkunden aus Privathäusern. T. I (Ausgrabungen in Uruk-Warka, Endberichte. Bd 8). Mainz am Rhein, 1991.